

«Наши чёрные единоверцы»: представления о религиозной близости России и Абиссинии в конце XIX – начале XX в.

Александр Полунов

**«Our black coreligionists»:
the idea of religious kinship of Russia and Ethiopia
in the late nineteenth and early twentieth centuries**
Alexandr Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Одним из наиболее необычных и внезапно выдвинувшихся в фокус общественного внимания направлений внешней политики России с середины 1880-х гг. было стремление установить контакты с Абиссинией¹. Страницы прессы, массовых изданий для народа и заметок первых русских путешественников полнились ссылками на близость русских и абиссинцев по вере, «почерпнутой из одного источника», на «сильное тяготение» абиссинцев «к православной России», на необходимость оказать помощь «единоверному нам маленькому народу» в борьбе против внешних врагов и даже на то, что «долговременный перерыв в отношениях абиссинцев с православной Церковью... не помешал им сохранить православие», а их богослужение совершается вполне «согласно с чином православной Церкви»².

При этом специалисты практически сразу указали на ошибочность представлений о «единоверии» абиссинцев и русских. В 1888 г. профессор Петербургской духовной академии В.В. Болотов, знаток древних восточных языков и истории Церкви, в статье о религии абиссинцев отметил, что, исповедуя монофизитский вариант христианства, осуждённый ещё на IV (Халкидонском) Вселенском соборе в 451 г., они вполне серьёзно и сознательно относятся к своей вере, а потому никак не могут считаться близкими к православию³. Однако статья Болотова, замеченная на Западе⁴, почти не оказала влияния на русское

© 2015 г. А.Ю. Полунов

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00183.

¹ Современное название – Эфиопия. В статье используется название «Абиссиния», более распространённое в конце XIX в.

² Наши чёрные единоверцы / Сост. В. Бучинский, В. Балахнов. СПб., 1900. С. 3; *Луцковский Ф.Ф.* Абиссинцы. Чтение для народа. Изд. 5. СПб., 1910. С. 16; *Ефрем (Цветаев)*, архим. Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 67, 70; *Фёдоров В.* [Машков В.Ф.] Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб., 1889. С. 19.

³ *Болотов В.В.* Несколько слов из церковной истории Эфиопии: к вопросу о соединении абиссин с православной Церковью // Христианское чтение. 1888. № 3–4. С. 467–469.

⁴ Итальянцы, стремившиеся в это время подчинить Абиссинию своему колониальному господству и выступавшие против контактов этой страны с Россией, широко распространяли

общественное мнение, в котором по-прежнему преобладала убежденность в духовном родстве России с «чёрными единоверцами».

Самое удивительное, что официальные власти, призванные, казалось бы, руководствоваться в своих действиях трезвым расчётом и опираться на строго проверенные данные, разделяли – видимо, вполне искренно – популярное мнение о единоверии России и Абиссинии. Так, консул в Иерусалиме Д.Н. Бухаров, обосновывая в 1888 г. в письме к послу в Константинополе А.И. Нелидову необходимость оказать покровительство местной общине абиссинцев, утверждал, что это послужит «упрочению искренних, по-видимому, к нам симпатий единоверного народа, коими нет причины пренебрегать». Сам Нелидов в 1889 г. писал министру иностранных дел Н.К. Гирсу, что Россия не должна признавать вмешательство европейских держав «в наши сношения с единоверной нам и ищущей непосредственных связей с нами Абиссинией». Морское ведомство, в свою очередь, считало в 1896 г. необходимым помочь Абиссинии обзавестись портом на Красном море в том числе и потому, что это поможет стране «войти в прямые и непосредственные сношения с единоверным русским народом». Об «общности религии» двух стран говорилось и в инструкции, составленной в МИД для П.М. Власова, направленного в 1897 г. в Абиссинию в качестве первого официального представителя России. Наконец, сам Николай II в дипломатической переписке обращался к негусу (императору) Абиссинии как к «главе и повелителю единоверного народа», ссылаясь в беседе с абиссинским послом на историю сношений России с «православной Абиссинией» и заявлял, что «дружба и любовь, построенные на единстве христианской веры, есть прочный залог для сближения»⁵.

В ряде случаев дипломаты, крайне далёкие по характеру своей службы от богословских вопросов, пускались в пространные историко-догматические рассуждения, призванные доказать тяготение к России «чёрных единоверцев». Это приводило даже к конфликтам с духовным ведомством, казалось бы, заинтересованным в распространении православия за пределами России. Так, когда в 1898 г. двое юношей-абиссинцев, направленных в Петербург на учёбу, перешли в православие (покинув, таким образом, Абиссинскую церковь), тот же Власов выразил протест, настаивая на том, что если мысль о единоверии двух стран и не верна, всё же «не нам следовало [бы] разочаровывать в ней эфиопов и... лишать их этих, допустим, хотя бы и иллюзий». В то же время в своём письме он упорно пытался доказать, что, несмотря на догматические различия, вера абиссинцев объективно близка к православию. Разочаровывать богословствующего дипломата пришлось непосредственно К.П. Победоносцеву, разъяснившему, что Св. Синод смотрит на абиссинцев «как на монофизитов по вероисповеданию» и «не делает никакого различия между ними и прочими монофизитами». Российская Церковь, напоминал обер-прокурор, «ничем не давала повода думать, что она абиссин считает христианами не инославными, а православными»⁶.

(в переводе) статью Болотова среди абиссинцев, стремясь доказать, что между африканскими христианами и русскими нет никаких религиозных связей (*Хренков А.В.* Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 135).

⁵ Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в.: Сборник документов. М., 1998. С. 105, 124, 212, 246, 249, 426.

⁶ Там же. С. 311–316, 317–319.

В чём же заключалась причина прочности и широкого распространения стереотипа о единоверии русских и абиссинцев? Каковы были его происхождение и значение в духовной, идеологической и общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX в.? Какую роль духовно-идеологические (в том числе религиозные) мотивы играли во внешней политике Российской империи, насколько велика была тогда степень её идеологизации и как соотносились прагматические и идеалистические соображения при определении внешнеполитического курса?

Говоря о предпосылках формирования представлений о «чёрных единоверцах», нужно учесть, что они широко распространились в середине 1880-х гг. – в период тяжёлого кризиса как внешней политики России, так и обосновывавшей её в предыдущие десятилетия идеологии. Вскоре после Берлинского конгресса стало ясно, что славянские народы, поддержке которых уделялось большое внимание в 1860–1870-х гг., оказались «неблагодарными младшими братьями». Обретя или закрепив с помощью России независимость, молодые балканские государства не только не образовали некое «славянское» или «православное» братство, но, напротив, немедленно погрузились в пучину междоусобных раздоров и приступили к принудительной ассимиляции иноэтничного населения на своей территории, безоговорочно следуя идее собственного «великодержавия». Случавшиеся при этом провалы и поражения от соседей часто списывались на «неправильную политику» России. Русофилы, ранее достаточно влиятельные в Сербии и Болгарии, начали подвергаться преследованиям⁷.

Ориентация балканских элит на страны Запада и их желание ввести в своих странах западные политические порядки породили в русском обществе (прежде всего в его консервативных кругах) острое чувство разочарования. «Россия является для австрийских и турецких славян не целью их стремлений, как мы себе иногда воображаем, а лишь средством к их европеизации..., – вынужден был признать В.А. Грингмут. – Ценят они нас лишь до тех пор, пока они находятся в беде... Но лишь только они из этой беды выходят, они забывают даже о нашем существовании»⁸. Становилось ясно, что близость к русским по языку и крови, о чём столько говорилось в 1860–1870-х гг., не обеспечила основу для складывания новой, специфически славянской культуры и альтернативного Западу общественного уклада. Всё шире распространялась мысль о том, что лингвистические и этнографические факторы сами по себе не могут служить ориентирами для внешней политики. Теперь требовалось найти новых «младших братьев» – таких, которые напоминали бы по своему положению прежних (страдали, переживали угнетение и нуждались в помощи), но отличались от них в лучшую сторону своими моральными качествами. Важно было также, чтобы с ними ощущалась некая духовная связь. Тут Абиссиния и обратила на себя внимание публицистов и дипломатов.

Любопытно, что очень важную роль в возбуждении общественного интереса к абиссинцам в 1880-х гг. сыграли люди, ранее в той или иной мере являвшиеся активистами «славянского дела». Так, в МИД едва ли не первым вопросом о необходимости сближения с Абиссинией поставил в 1885 г. генеральный кон-

⁷ Айранетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 362–369, 377–390.

⁸ *Spectator* [Грингмут В.А.]. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // Русское обозрение. 1890. № 7. С. 374, 379.

сул в Каире М.А. Хитрово, известный своими славянофильскими взглядами⁹. Его поддержал и близкий ему по духу посол в Константинополе А.И. Нелидов. И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, К.П. Победоносцев, члены Петербургского славянского благотворительного общества В.И. Аристов, А.А. Киреев, В.И. Ламанский и его председатель (с 1888 г.) гр. Н.П. Игнатъев – все в той или иной степени способствовали установлению контактов России с Абиссинией в 1880-х гг.

В донесениях дипломатов, в сочинениях публицистов славянофильского круга, в массовых изданиях абиссинцы изображались как идеальные «младшие братья», наделённые всеми достоинствами прежних «братьев», но лишённые их недостатков. Считалось, что, несмотря на длительную изоляцию от окружающего мира (а возможно, и благодаря ей), древний абиссинский народ сохранил патриархальную чистоту и простоту нравов, утраченную другими, прежде всего западными обществами. В незамысловатости образа жизни абиссинцев усматривали не доказательство их «примитивности» и «дикости», а лишь внешнюю оболочку, скрывающую сокровища древней культуры, к которой «чёрные христиане» первоначально принадлежали. Абиссиния, утверждал известный консервативный публицист М.П. Соловьёв, является «последним звеном античного мира, не затронутым и не перерождённым ни варварскими, ни мусульманскими нашествиями. Народ, живущий в ней, тот же, цари которого сносились с фараонами, Соломоном, Птолемеями, римлянами и византийцами»¹⁰.

Чернокожие христиане, казалось, были открыты, прямодушны, честны и преисполнены чувства собственного достоинства, отличавшего их, по мнению большинства русских авторов, от типичных обитателей Востока, наделённых «рабской» психологией. По словам полковника Л.К. Артамонова, сопровождавшего первую официальную русскую миссию в Абиссинию в 1897 г., от обстановки императорского дворца в Аддис-Абебе во время приёма веяло «чем-то очень древним, классическим, византийским». «Это уверенный в себе и полный чувства собственного достоинства государь, окружённый толпой вассалов и феодалов», «но не деспот вроде среднеазиатского хана, снимающий головы с придворных по первой прихоти», писал полковник о негусе 18–20 февраля 1898 г. герцогу Г.Г. Мекленбург-Стрелицкому¹¹. В бою абиссинцы могли проявлять жестокость (объяснимую обстоятельствами их тяжёлой истории), но в то же время были способны на благородство и великодушие к поверженному врагу. Так, в ходе столкновений с итальянцами чернокожие христиане представали «рыцарями и джентльменами», тогда как их «цивилизованные» противники «напоминали собой дикую, варварскую толпу, которая кроме бездушия, варварства и позорной трусости, ничего не проявляла»¹².

Находясь под ударами многочисленных врагов (как мусульман, так и европейских колонизаторов), абиссинцы нуждались в дружеской поддержке, но не как беспомощные жертвы обстоятельств. Они заслужили эту помощь именно потому, что сами, будучи отважными воинами, веками защищали родину с оружием в руках. «Надо удивляться, – писал побывавший в Абиссинии в 1889 и 1891–1892 гг. поручик В.Ф. Машков, – что при таких ужасных условиях, в

⁹ См., в частности, записку, поданную Хитрово в МИД в 1885 г.: Российско-эфиопские отношения... С. 75–78.

¹⁰ Соловьёв М.П. Очерки Абиссинии // Русское обозрение. 1894. № 4. С. 797.

¹¹ ГА РФ, ф. 694, оп. 1, д. 613, л. 10–10 об.

¹² Ефрем (Цветаяев), архим. Указ. соч. С. 100.

какие была поставлена небольшая, бедная и слабая духовным развитием страна, она не только отстояла свою независимость, но и сохранила чистой свою веру, обычаи, язык и национальность»¹³. Другому путешественнику, Н.С. Леонтьеву, Абиссиния напоминала Черногорию, также населённую «рыцарским и отважным» народом¹⁴. Уподобление «чёрных единоверцев» лучшим из славян, безусловно, усиливало симпатии к ним в среде читающей публики и позволяло вписать сведения о них в систему устоявшихся представлений об окружающем мире. К тому же события, происходившие в Абиссинии в конце XIX – начале XX в., удивительно напоминали о прошлом России.

Любой русский путешественник, попадавший на рубеже веков в страну «чёрных христиан», без труда опознавал в её традиционном укладе явления, известные из рассказов об истории Руси, а в её современном развитии – приметы модернизации, схожей с той, которую в конце XVII – начале XVIII в. осуществил Пётр I. Поведение и политика негуса Менелика II, вступившего на престол в 1889 г., буквально до деталей напоминали действия царя-преобразователя и вызывали особое восхищение у русских современников. С его воцарением, писал журналист Ю. Елец, «повсюду начались постройки, сооружения, проведение новых путей сообщения, убранство каналов и плотин, для чего выписаны были европейцы-архитекторы и инженеры». В то же время, отмечал Елец (и это было важно для тех, кто всерьёз интересовался Абиссинией в России), африканский монарх достаточно критически относился к европейской культуре как таковой «и желал всегда брать лишь те стороны цивилизации, которые согласовывались с духом и характером его народа»¹⁵. Безусловно, это лишь усиливало энтузиазм русских авторов и порождало стремление помочь абиссинцам пройти по тому пути, который некогда преодолела Россия.

«Мягкий» вариант модернизации, не затрагивающий основы культурного своеобразия и традиционного общественного строя страны, должен был, по мысли россиян, сохранить исконное благочестие Абиссинии и её проникнутый церковностью бытовой уклад – всё то, благодаря чему, как уверял один из духовных публицистов, жизнь абиссинцев в конце XIX в. напоминала «по своему характеру жизнь и нравы наших благочестивых предков в допетровский период нашей истории»¹⁶. Консервативно и религиозно настроенные авторы не без зависти рисовали величественную (правда, во многом вымышленную ими) картину африканской страны-монастыря, правители которой ведут полумонашеский образ жизни, покровительствуют церкви и смиренно выслушивают поучения иноков, где строго соблюдаются все церковные обряды, главными центрами образования и культуры являются монашеские обители, духовные лица, подобно Пересвету и Ослябе, ведут войска в бой, люди «проникнуты покаянным чувством», а для народа «нет других интересов, кроме религиозных»¹⁷.

¹³ Фёдоров В. Указ. соч.. С. 28.

¹⁴ Это сравнение приводилось в докладной записке, поданной Н.С. Леонтьевым начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву 4 июля 1895 г. (Российско-эфиопские отношения... С. 178). Абиссинию также сопоставляли с Грузией – маленькой горной христианской страной, долго отстаивавшей свою независимость от мусульман (Соловьёв М.П. Указ. соч. № 8. С. 741).

¹⁵ Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией: По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898. С. 56–58.

¹⁶ Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1893. № 1. С. 119.

¹⁷ Долганев Е.Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 8. С. 251 (вторая пагинация); 1896. № 1. С. 116 (вторая пагинация).

«Страна чёрных христиан», по мнению её русских приверженцев конца XIX в., не просто напоминала Россию в прошлом, но и осознанно тяготела к своей «старшей сестре», относясь к ней совсем не так, как к другим европейским государствам. «Мы ничего не просим и не ожидаем от России, – заявил, по словам участника экспедиции в Абиссинию 1895 г. один из абиссинских вельмож – рас Маконен (Мэконнын), – но единственное желание всех нас, чтобы она относилась к нам с симпатией, верила в дружбу единоверного ей народа... В Россию мы верим, потому что она дала жизнь многим христианским народам и никого никогда не обманывала»¹⁸. Подобные высказывания, обильно рассеянные по российской дипломатической переписке, дневникам и воспоминаниям путешественников и т.п., подразумевали, что Россия просто не могла остаться равнодушной, слыша обращённые к ней мольбы. «Сильные и просвещённые страны Европы, – писал священник Иоанн Вуколов, имея в виду, конечно, в первую очередь Россию, – должны во имя Христова спасти малую Абиссинию, сильную древнеотеческой верой и любовью к родине... Европейские христиане должны прийти к абиссинцам только во имя Христа, без всяких задних и своекорыстных видов»¹⁹. Постепенно всё более чётко вырисовывался образ «чёрных христиан» как новых «младших братьев», ожидающих от России бескорыстной помощи и самопожертвования, являющегося будто бы её долгом как великой державы²⁰. Не хватало, пожалуй, только обоснования представлений о духовном родстве, единоверии «младшего брата».

Между тем о религиозной близости россиян и абиссинцев ещё в 1840–1860-х гг. рассуждал известный церковно-общественный деятель, глава русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский), ставший впоследствии епископом. Мечтая о глобальном церковно-каноническом переустройстве всего православного Востока, он надеялся присоединить к православию так называемые древневосточные (дохалкидонские) церкви, включая и Абиссинскую. В целом его масштабные вселенско-теократические планы имели мало общего с вопросами, обсуждавшимися в 1880-х гг., однако сформулированные им аргументы использовались в богословских и общественно-политических дискуссиях вплоть до начала XX в. По мнению Порфирия, для понимания религиозности «чёрных христиан» нужно учитывать не столько детали догматики и теологические тонкости, доступные лишь незначительной части духовенства, сколько проявления веры в обыденной жизни – её выражение в молитвах, обрядах, соблюдении постов и праздников, почитании икон и святых. А здесь, по его наблюдениям, различий между русскими и африканскими христианами было немного: «Народ в простоте веры слушает апостольскую обедню и во время этой обедни славословит Бога, благодарит Его, предаёт себя

¹⁸ *Ефрем (Цветаев), архим.* Указ. соч. С. 72.

¹⁹ *Вуколов И., свящ.* Указ. соч. С. 96.

²⁰ Подобный взгляд был весьма распространён в русских текстах об Абиссинии. «Россия, историческими судьбами поставленная во главе восточного христианства и нравственно ответственная за судьбу каждого его отдельного члена, согласно своим вековым традициям едва ли может оставаться спокойной зрительницей [того], как политически и духовно тяготеющая к нам страна... потеряет свою самостоятельность», – писал В.Ф. Машков в записке, направленной в 1890 г. в Главный штаб (Российско-эфиопские отношения... С. 138–139). А поручик А.К. Булатович на пути в Абиссинию в 1899 г. объяснял майору Ж.-Б. Маршану (известному благодаря эпизоду в Фашоде), что основой российской политики в африканской стране является «выражение традиционного сочувствия наших государей и России к слабейшим угнетённым христианам» (*Булатович А.К. Третье путешествие по Эфиопии.* М., 1987. С. 37).

и весь живот свой Христу Богу». «В богослужении и обрядах их видно чистое православие, как в абиссинских озёрах видно чистое небо», – заявлял архимандрит²¹.

Порфирий исходил из того, что влияние монофизитства, если и затронуло абиссинцев, то господствовало преимущественно в верхах клира и олицетворялось митрополитом (абуней), традиционно назначаемым Александрийской коптской патриархией. Однако к середине XIX в. нравственные качества митрополитов и сама практика их назначения из-за рубежа вызывали у абиссинцев всё большее недовольство. Русской Церкви с её терпимым отношением к национальным особенностям разных религиозных общин следовало только помочь «чёрным единоверцам» освободиться от канонической власти иноземцев. «Мы не будем вмешиваться, – утверждал архимандрит, – во внутреннее управление Абиссинской церкви, как вмешивался двор римский, зная, что она всегда управлялась сама собой по правилам апостольским и соборным». Но «с радостью дадим им то, что имеем сами, т.е. независимую иерархию, туземно-народное просвещение, изящные искусства»²².

В 1851 г. Порфирий как глава Иерусалимской миссии выразил желание лично посетить Абиссинию, дабы способствовать укреплению её религиозных связей с Россией. Он обдумывал возможность введения в Абиссинии новых церковно-канонических порядков – в частности, посвящения епископов не коптским патриархом, а Св. Синодом. Спустя 10 лет аналогичную поездку пытался предпринять и преемник Порфирия на посту главы Иерусалимской духовной миссии епископ Кирилл (Наумов), также считавший, что абиссинцы желают выйти из-под власти коптов, и ожидавший найти в Абиссинии «значительные остатки древлеправославной обрядности»²³. Однако ни та, ни другая поездка не были санкционированы МИД.

Российские дипломаты в 1840–1870-х гг. предельно осторожно, если не безразлично, относились к контактам с африканской страной и вовсе не проявляли интереса к ее верованиям. Попытки самих «чёрных христиан» завязать отношения с Россией также не имели успеха. Когда предшественник Менелика негус Иоанн (Йоханнис IV), ведя тяжёлую войну с мусульманским Египтом, прислал Александру II два письма с просьбой о помощи (в 1872 и 1878 гг.), ответа не последовало, хотя к одному из них был приложен драгоценный крест – явный намёк на религиозную близость с Россией и призыв к христианской солидарности²⁴. Пассивность российской дипломатии объяснялась, видимо, прежде всего нежеланием лишней раз раздражать западные державы и стремлением действовать в рамках «европейского концерта», надежды на эффективность которого для обеспечения интересов России сохранялись вплоть до Берлинского конгресса.

К началу, а особенно в середине 1880-х гг. в консервативных кругах русского общества, а отчасти и среди дипломатов, внимание к Абиссинии заметно возросло, что проявилось, в частности, в записке, составленной М.А. Хитрово

²¹ Порфирий (Успенский), еп. Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. I. С. 317, 335.

²² Порфирий (Успенский), еп. Восток христианский. Участие России в судьбах Абиссинии // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. II. С. 419, 423.

²³ Российско-эфиопские отношения... С. 47–51.

²⁴ Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992. С. 10–12, 19–21.

в 1885 г. В ней отмечалось, что африканская страна нуждается в помощи России, поскольку в условиях активизации колониальных захватов она «сделалась весьма лакомым куском для всевозможных политических любостязаний». Между тем «ныне в Абиссинии начинают уже проявляться некоторые признаки стремления к просвещению». Если же вступившая на путь прогресса страна сохранит свою независимость, то ей, полагал дипломат, как единственному христианскому государству на континенте в недалёком будущем «предстоит несомненно значительная роль в наступающей цивилизации Африканского материка». Издавна сталкиваясь с вооружённым натиском европейцев, абиссинцы, по словам Хитрово, «ненавидят и опасаются католиков и протестантов, все симпатии их на стороне восточного православия». Россия же «находится в отношении к Абиссинии в совершенно исключительном положении»: «В горах полудикой Абиссинии, как и на всём Востоке, живёт смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдалённого Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства». Поэтому Хитрово предлагал немедленно приступить к установлению связей с Абиссинией, воспользовавшись распространёнными в этой стране симпатиями к России²⁵. Для этого к «чёрным христианам» следовало направить неофициальную миссию во главе с русским духовным лицом.

Разумеется, в эпоху апогея европейского колониализма правительственные и общественные круги России руководствовались отнюдь не только религиозно-идеалистическими мотивами, обсуждая возможные материальные выгоды от сближения со «страной чёрных христиан»: выдвигались проекты создания Русско-Африканской торговой компании, учреждения в столице Абиссинии Русского банка, делались попытки организовать силами российских предпринимателей добычу золота во владениях Менелика. Однако все эти начинания не дали результата. Сказывались географическая отдалённость Абиссинии от России, низкая конкурентоспособность товаров и слабость частного капитала, владельцы которого наотрез отказывались действовать в Африке без гарантий правительства, с середины 1890-х гг. всё больше увлекавшегося экономической экспансией на Дальнем Востоке. В итоге к началу XX в. России, в отличие от ряда европейских государств, даже не удалось заключить с Абиссинией торговый договор. В целом, по справедливому замечанию И.С. Рыбачёнок, в данном регионе робкие попытки России «создать экономическую базу для упрочения политического влияния бесславно провалились»²⁶. Сбылось прозорливое предсказание Порфирия (Успенского), ещё в 1866 г. отметившего: «Не нам торговать там»²⁷.

В конечном счёте именно духовно-идеологические соображения оказались важнейшим (если не решающим) фактором сближения России и Абиссинии. Это было заметно уже в ходе подготовки африканской экспедиции Н.И. Ашинова 1888–1889 гг. Значительную роль в поддержке предприятия «вольного казака» сыграли Хитрово и его непосредственный начальник Нелидов, а также многие ветераны «славянского движения», включая Игнатьева, Ламанского и Победоносцева²⁸. Признавая, что установление связей с Абиссинией «может

²⁵ Российско-эфиопские отношения... С. 75–78.

²⁶ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 358.

²⁷ Порфирий (Успенский), еп. Восток христианский... С. 424.

²⁸ Об экспедиции Н.И. Ашинова см.: Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999.

иметь для нас немалую важность», Победоносцев писал 16 июля 1888 г. Александру III: «По всей вероятности, в таких делах удобным орудием бывают подобные Ашинову головорезы»²⁹.

Поскольку церковный компонент изначально играл большую роль в планах Ашинова, «вольному казаку» удалось попасть на приём к митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) и получить от него «храмоздательную грамоту» на основание в Абиссинии православной церкви и монастыря во имя св. Иоанна Крестителя. Разделяя широко распространившиеся к тому времени в обществе представления о единоверии России и Абиссинии, русский первоиерарх также вручил авантюристу письмо к Йоханннису IV, в котором прославлял «высокое покровительство», оказываемое абиссинским монархом «единой, евангельской и апостольской вере и святой православной Христовой Церкви»³⁰.

Накануне экспедиции, летом 1888 г., Ашинов привёз в Россию из абиссинского монастыря в Иерусалиме иеромонаха Георгия (Гийоргиса) и диакона Михаила (Микаэля), которых выдавал за посланцев негуса. Абиссинцы (вместе с представителями англикан, христианами Японии и посланцами славянских земель) приняли участие в проводившемся тогда праздновании 900-летия крещения Руси, что должно было свидетельствовать о вселенском размахе русского православия. Георгий и Михаил побывали в Петербурге, Киеве – главном месте проведения торжеств – и других городах, где их торжественно принимало православное духовенство (в Петербурге им даже предоставили кельи Александро-Невской лавры). Как утверждал Ашинов, служивший у них переводчиком, они везде «высказывали о своих братских чувствах к русским и необходимости духовного объединения церквей»³¹.

Русские священнослужители во главе с архимандритом Паисием (бывшим экономом подворья Афонского Пантелеймоновского монастыря в Константинополе) официально считались руководителями направленной в Африку духовной миссии, тогда как сам Ашинов формально являлся лишь начальником её конвоя. Известие о предстоящей экспедиции, во многом благодаря её религиозному характеру, вызвало заметный отклик в русском обществе. За короткий срок удалось собрать пожертвования на довольно большую сумму – 10–15 тыс. руб. «Слух об отправляющейся миссии в Абиссинию проник повсюду, – вспоминал Ашинов, – и ко мне начали являться массами просящие взять их с собой»³². В ходе экспедиции «атаман вольных казаков» всячески подчёркивал её религиозный характер: на кораблях совершались богослужения, на месте высадки – у полуразрушенного форта Сагалло (переименованного в станицу «Новая Москва»), на берегу Красного моря, была устроена походная церковь во имя свт. Николая и поднят флаг духовной миссии, увенчанный восьмиконечным крестом. «Сердце русское радовалось при виде православного русского креста, в далёкой Африке в первый раз поставленным (так в тексте. – А.П.)», – с пафосом восклицал позднее Ашинов³³.

По словам Ашинова и ряда его соратников, миссия, ещё находясь в пути, вызвала благожелательный интерес со стороны обитавших на побережье

²⁹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 188.

³⁰ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч. I, л. 4–5.

³¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 92, д. 598, т. I, л. 168–168 об.

³² Там же, л. 170.

³³ Там же, т. II, л. 29.

Красного моря чернокожих мусульманских племён, выражавших симпатии к православию. Это якобы вызвало панику у местных католических миссионеров, находившихся под покровительством властей близлежащей французской колонии Обок. «Они с ужасом увидели, – писал впоследствии “атаман вольных казаков”, – что мы, не дойдя ещё до Абиссинии, страны православной и требующей только братской поддержки от Русской Церкви, были встречены дикими племенами с любовью и что нашу временную походную церковь во имя св. Николая Чудотворца посещали местные инородцы и началось дело обращения сих народов в православие»³⁴. Ашинов и его соратники утверждали, что именно по настоянию католических миссионеров французы после нескольких предупреждений расстреляли станицу «Новая Москва» из корабельных орудий, принудительно вывели ашиновцев в Обок, отправив их оттуда в Россию. Трудно сказать, в какой степени это верно. Однако для весьма жёстких действий (обстрел в течение 15–20 мин. полуразрушенного укрепления, не имевшего артиллерии, прицельная стрельба по бегущим безоружным людям) у французов действительно должны были быть какие-то веские основания, а к их числу мог относиться и страх перед усилением русского религиозного влияния в Африке.

Несмотря на свой трагифарсовый характер и печальный финал, экспедиция Ашинова всё же способствовала русскому проникновению в Абиссинию, получившему после 1889 г. дополнительный стимул. В 1889 и 1891–1892 гг. в Абиссинии побывал (при поддержке Военного министерства) поручик В.Ф. Машков, а в 1894 г. – отставной гвардии поручик Н.С. Леонтьев, воспользовавшийся содействием Русского географического общества. Машков стал первым из русских, кому удалось встретиться с императором Абиссинии. Беседы с Менеликом убедили его не только в симпатиях абиссинцев к России, но и в отсутствии глубоких догматических разногласий между ними и православными. Услышав рассказ Машкова про учение о двух природах Христа, негус якобы заявил, «что абиссинцы вовсе не монофизиты и веруют вполне согласно с нами, русскими, и что если бы они “веровали иначе, то перестали бы быть христианами”»³⁵.

В 1891 г. вместе с Машковым в «страну чёрных христиан» Св. Синодом были направлены иеромонах Тихон (Оболенский), бывший врач одного из гвардейских полков, и причетник Григорий. И хотя до Абиссинии духовные лица так и не добрались, сам факт их участия в экспедиции много говорил о том значении, которое власти придавали религиозной составляющей русско-абиссинских связей³⁶. «Весь наш к ней интерес и всё её для нас значение вытекают именно из предположения о нашем единоверии», – писал в отчёте о своей поездке 1889 г. Машков³⁷. На необходимость укрепления в Абиссинии «сочувствующего нам восточного церквоучения, ищущего, как кажется, возможности

³⁴ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, ч. I, л. 32 об.

³⁵ Российско-эфиопские отношения... С. 129.

³⁶ Всерьёз опасались религиозных контактов между Россией и Абиссинией и представители западных государств в Африке. Так, после прибытия Машкова в 1891 г. на берег Красного моря губернатор Обока Л. Лагард, сыгравший важную роль в разгроме миссии Ашинова, всячески уговаривал иеромонаха Тихона не отправляться в глубь континента. После того, как боязливый Тихон вернулся в Россию, участников экспедиции без проблем пропустили в Абиссинию. Примечательно и то, что когда Машков и его спутники проезжали через Каир, англичане приложили все усилия, дабы сорвать их встречу с коптским патриархом (*Хренков А.В.* Машков в Эфиопии... С. 130–132).

³⁷ Российско-эфиопские отношения... С. 137.

сблизиться с православием», указывал 19(31) декабря 1889 г. в письме к Гирсу и Нелидов. В Африке, напоминал он, поддерживая Машкова, «подвергается опасности подчинения Западу единственный христианский народ восточного исповедания, восточных преданий, разделяющий надежду и веру всего Востока в силу и призвание России». «Наш долг, – заключал дипломат, – оборонять эти верования и тем охранять полученное нами политическое наследие, плод вековых трудов наших предков»³⁸.

Экспедиция Н.С. Леонтьева, ставшего как бы преемником Машкова, не состояла, в отличие от предыдущей, под покровительством каких-либо ведомств Российской империи. Однако ни Леонтьев, ни сопровождавший его иеромонах Ефрем (в миру – доктор М.М. Цветаев) не выступали, конечно, как обычные частные лица. Поездка о. Ефрема была санкционирована митрополитом Санкт-Петербургским Палладием (Раевым) и близким к Победоносцеву прокурором Московской синодальной конторы кн. А.А. Ширинским-Шихматовым. Таким образом, ему придавалось определённое полуофициальное значение. По прибытии в Африку о. Ефрема представили абиссинцам как русского архиерея («папас москов») – Леонтьев вынужден был пойти на эту мистификацию, дабы скрыть от «чёрных единоверцев» весьма невысокий сан прибывшего с ним духовного лица³⁹. В течение всего путешествия абиссинцы, по словам о. Ефрема, охотно принимали от него благословение, прикладывались к иконам, местное духовенство приветствовало его по-братски. Иеромонах утверждал даже, что ему довелось отслужить молебен в одном из абиссинских соборов⁴⁰.

Экспедиция Леонтьева–Ефрема стала одной из высших на тот момент точек в развитии религиозных контактов между Россией и Абиссинией. В консервативных кругах русского общества активно обсуждались тогда казавшиеся близкими перспективы объединения двух церквей после того, как выявится вероучительная близость или даже идентичность их исповеданий. При этом повторялись и даже усиливались доводы, высказанные некогда Порфирием (Успенским), вновь и вновь провозглашалось, что клеймо «еретиков» было наложено на абиссинцев по недоразумению, их отделение от Вселенской Церкви в V в. объяснялось случайными неблагоприятными обстоятельствами, массы же простого народа и местного духовенства чужды монофизитству и с симпатией относятся к православию. Как доказывал М.П. Соловьёв, «народ, столь живучий, столь глубоко проникнутый национальным самосознанием, так стойко ограждающий свою смиренную веру, столь близкую к православию», достоин того, «чтобы справедливо и беспристрастно рассмотрели его вероучение и сняли с него сомнительное обвинение в отступлении от единства Вселенской Церкви», а «на России лежит обязанность прислушиваться к немолчно и неустанно вопиющим голосам тех, кто давно жаждет пересмотра своего дела и устранения препятствий к восстановлению их в праве верных сыновей Церкви»⁴¹.

Новый импульс надеждам на соединение Русской и Абиссинской церквей придало прибытие в 1895 г. в Россию посольства, направленного Менеликом в ответ на миссию Леонтьева. В составе его находился настоятель собора в Харэ-

³⁸ Там же. С. 123–125.

³⁹ Хренков А. Африканское генерал-губернаторство поручика Н.С. Леонтьева // Азия и Африка сегодня. 2001. № 4. С. 36–37.

⁴⁰ Ефрем (Цветаев), архим. Указ. соч. С. 38–46, 50–84, 111.

⁴¹ Соловьёв М.П. Указ. соч. № 4. С. 812; № 9. С. 209–210.

ре⁴² священник Гэбрэ Егзиабхэр, которого сопровождавший послов Леонтьев представлял как епископа. Духовная близость, если не единство, вероисповеданий двух стран демонстрировались при этом ещё шире, чем раньше. Во всех городах России миссию встречало православное духовенство. Народ, официальные лица и даже император с императрицей принимали от Гэбрэ Егзиабхэра благословение. В храмах абиссинскому священнику воздавались архиерейские почести. Была организована встреча посольства с Победоносцевым и высшим духовенством России, в ходе которой объединение церквей обсуждалось как дело ближайшего будущего. Митрополит Палладий (Раев), голос которого имел особое значение, говорил абиссинцам, «что церкви разделяются тезисами веры, а с тезисами Абиссинской церкви православные тезисы почти одинаковы, разница же в обрядах не есть существенное»⁴³. Общественное мнение было к таким разговорам уже подготовлено. «Может быть, в недалёком будущем нашему отечеству предстоит великое дело восстановления чисто православного учения в этой издавна сходной с православным Востоком стране, – ещё в 1893 г. писал об Абиссинии священник Иоанн Вуколов. – И это не праздная мечта воображения»⁴⁴. «Высшее русское духовенство высказалось уже в смысле полной возможности единения церквей Российской и Абиссинской», – безапелляционно заявлял Н.С. Леонтьев в записке, поданной по начальству в 1895 г., ещё до прибытия посольства негуса⁴⁵. Завершив свою деятельность в России, абиссинцы, по словам о. Ефрема, возвращались домой с «подготовленным вопросом о единении церквей»⁴⁶. Сам о. Ефрем, после поездки в Африку (и, видимо, в ознаменование заслуг, связанных с нею) возведённый в сан архимандрита, писал, что в 1895 г. уже был решён вопрос о его посвящении в епископы и назначении главой направляемой в Абиссинию православной миссии⁴⁷. Однако перспектива сближения и даже соединения двух церквей, казавшаяся в середине 1890-х гг. столь близкой, так и осталась не реализована. С чем это было связано?

Однозначно ответить на этот вопрос сложно. Видимо, в 1890-х гг. одновременно с эйфорией по поводу возможного духовного единения росло понимание всей сложности догматических расхождений. Развенчанию иллюзий способствовал и состоявшийся в Петербурге в 1898 г. переход в православие двух абиссинцев. Возможно, сказалась и чисто человеческая усталость престарелого обер-прокурора Победоносцева, который долго поддерживал идею конфессионального сближения России и Абиссинии, но с середины 1890-х гг. постепенно начал отходить от дел, переживая разочарование в своих прежних идеалах⁴⁸. Кроме того, в конце 1898 г. скончался митрополит Палладий, про-

⁴² Харэре – крупный провинциальный центр в Абиссинии.

⁴³ *Ефрем (Цветав), архим.* Указ. соч. С. 123–163.

⁴⁴ *Вуколов И., свящ.* Указ. соч. С. 97.

⁴⁵ Российско-эфиопские отношения... С. 176.

⁴⁶ *Ефрем (Цветав), архим.* Указ. соч. С. 168.

⁴⁷ Там же. С. 138. Специальная православная миссия в Абиссинию так и не была послана, однако в состав санитарного отряда Русского общества Красного Креста, прибывшего в страну в 1896 г., входил иеромонах Александр, состоявший при походной церкви. По словам начальника отряда генерала Н.К. Шведова, абиссинцы охотно посещали православное богослужение и восхищались его красотой. Когда отряд покидал страну, о. Александр принял участие в своеобразной церемонии, призванной, по-видимому, свидетельствовать о высокой степени единения Русской и Абиссинской церквей: он отслужил православный молебен, сразу после которого был отслужен молебен абиссинским духовенством во главе с абуней Матеосом (Российско-эфиопские отношения... С. 200, 219).

⁴⁸ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 295–308.

являвший, судя по всему, значительный интерес к установлению более тесных связей со страной «чёрных единоверцев».

Так или иначе, в области религиозных взаимоотношений с Абиссинией российские власти постепенно стали проявлять всё большую осторожность, граничившую с безразличием и желанием избегать каких-либо контактов. Так, когда в 1902 г. Менелик II решил направить в Россию в качестве посла абуну Матеоса, министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф (видимо, по «старой памяти») попросил Победоносцева организовать торжественный приём главы Абиссинской церкви православным духовенством и разместить его в помещениях Александро-Невской лавры. Однако обер-прокурор ответил решительным отказом, заявив, что «Абиссинская церковь и местная их иерархия принадлежит к Коптской церкви монофизитского учения и не имеющей общения с нашей Церковью», а это «исключает решительно возможность общения церковного»⁴⁹. Когда в 1904 г. намечался разрыв Абиссинской церкви с Коптской патриархией и вновь встал вопрос о возможности посвящения епископов для Абиссинии Св. Синодом, Победоносцев, несколько смягчив свою оценку догматических различий, всё же счёл, что «было бы неблагоприятно» принимать какие-либо меры⁵⁰.

Разумеется, нельзя сказать, что с конца 1890-х гг. всякие проявления взаимных религиозных симпатий русских и абиссинцев полностью прекратились⁵¹. Сам Менелик II и высшие абиссинские сановники по-прежнему охотно говорили о своём единоверии с русскими и приглашали на церковные церемонии представителей дипломатического корпуса России, а те, в свою очередь, сообщали об интересе «чёрных христиан» к православному богослужению, ходатайствовали о присылке икон и крестиков для раздачи абиссинцам. Однако о масштабных проектах объединения церковей речь больше не шла. Более того, российским представителям предписывалось поддерживать отношения с абиссинским духовенством «на чисто дружеской почве», соблюдая в конфессиональной сфере «крайнюю осторожность»⁵².

Тем не менее влияние представлений о вероисповедной близости русских и абиссинцев и необходимости помогать «младшим братьям» не могло пройти бесследно. Абиссинцы на рубеже XIX–XX вв. по-прежнему находились в опасности, продолжали оставаться «угнетёнными», а значит, даже будучи монофизитами, нуждались в поддержке. Это отчётливо проявилось в 1896–1897 гг., когда в очередной раз обострились отношения между абиссинцами, проживавшими в Иерусалиме, и традиционно покровительствовавшими им богатыми единоверцами – коптами и армянами. В сложившейся ситуации российские дипломаты готовы были вывести абиссинскую общину из-под юрисдикции армян и коп-

⁴⁹ Российско-эфиопские отношения... С. 398–399, 401–402, 405–407. В Петербурге Матеос всё же был встречен православным духовенством, хотя в Одессе такая встреча не состоялась (Победоносцев специально писал об этом епархиальному начальству). См.: РГИА, ф. 797, оп. 72, отд. 2, ст. 3, д. 195, л. 7, 17–17 об.

⁵⁰ Российско-эфиопские отношения... С. 472.

⁵¹ Так, иеромонах Антоний (Булатович), бывший офицер лейб-гвардии Гусарского полка, в 1890-х гг. несколько раз побывавший в Африке и входивший в окружение Менелика II, а затем принявший постриг в русском монастыре на Афоне, в 1911 г. безуспешно пытался учредить в Абиссинии афонское подворье и духовную миссию для распространения православия (*Булатович А.К.* Указ. соч. С. 115–117).

⁵² *Соколов А.* Православный прозелитизм на Ближнем Востоке и в Эфиопии: мифы и действительность // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 10. С. 65.

тов, передав её (никак не меняя вероисповедной принадлежности) под покровительство Русской духовной миссии и консульства. Проект, нарушавший права сразу трёх религиозных общин Иерусалима – коптов, армян и православной греческой Иерусалимской патриархии, – не был реализован, однако негласная поддержка, оказанная представителями России, всё-таки помогла абиссинцам в определённой мере улучшить своё положение в Иерусалиме⁵³.

Значительную роль сыграли россияне и в возвращении абиссинцам святых мест – когда-то принадлежавших им земельных участков и строений при храме Гроба Господня в Иерусалиме и в других местах Палестины. Располагавшие в древности и в эпоху Средневековья обширными владениями в Святой земле, абиссинцы постепенно утратили их и к началу XX в. уже не могли самостоятельно восстановить свои права. Помочь вызвался отставной чиновник Н.Н. Шедевр – бывший сотрудник Н.С. Леонтьева, долгое время проживавший в Абиссинии и на Ближнем Востоке. В архивах Османской империи он выявил документы, подтверждавшие принадлежность ряда святых мест в Иерусалиме африканским христианам. Благодаря усилиям Шедевра главный объект их притязаний – древний монастырь Дейр-эс-Султан – в 1906 г. был по указанию султана отобран у захвативших его коптов и передан абиссинцам⁵⁴. В дальнейшем Шедевр обнаружил ещё 18 документов, закреплявших за ними владение частью святых мест. В этой деятельности его активно поддерживало Императорское православное Палестинское общество, возглавлявшееся вел. кн. Елизаветой Фёдоровной (крупные суммы получал он и из личных средств великой княгини)⁵⁵. Прекрасно понимавший, каким образом можно воздействовать на своих высокопоставленных покровителей, Шедевр, обращаясь к ним, широко использовал идеи «долга сильных перед слабыми», «необходимости помощи угнетённым», образы «большой» и «маленькой сестры»⁵⁶. В письме-отчёте управляющему делами Палестинского общества генералу М.Н. Степанову он красочно описывал, как члены абиссинского правительства, особенно старики, рыдали, слушая рассказ о святых местах, захваченных у абиссинцев иноземцами (в основном коптами)⁵⁷. Начало Первой мировой войны фактически положило конец деятельности Шедевра: в ноябре 1915 г. он скоропостижно скончался в Могилёве, где пытался получить аудиенцию у Николая II и лично доложить ему о своей деятельности по поиску иерусалимских святынь.

Война, а затем революция надолго прервали религиозные контакты между Россией и Абиссинией. Безусловно, представления об их конфессиональной близости (или даже единоверии) несли в себе значительный заряд идеализма. Они отражали не столько реалии международных отношений и действительного положения Абиссинии, сколько идейные и духовные запросы русского общества рубежа веков, его потребность переосмыслить положение России в мире, придать новый смысл российской внешней политике, найти новый объ-

⁵³ Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. 27. М., 1991. С. 194–198.

⁵⁴ Там же. С. 198–203.

⁵⁵ Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург). Архив. Разряд III, оп. 1, д. 34, л. 152–152 об. Впрочем, помощь Шедевра абиссинцам была не вполне безвозмездной: в знак благодарности они обязывались передать России две часовни при храме Гроба Господня (из семи, исторически им принадлежавших) – тогда русское духовенство получило бы возможность самостоятельно совершать в храме славянское богослужение.

⁵⁶ Там же, л. 180–181.

⁵⁷ Российско-эфиопские отношения... С. 551.

ект попечения – «далёких младших братьев» вместо прежних, оказавшихся неблагодарными. Внешняя политика в данном случае направлялась импульсами, не только чуждыми прагматики, но и носившими в чём-то иррациональный характер. Трудно рассуждать об эффективности подобной политики, о наличии у неё неких осязаемых результатов, хотя в случае с Абиссинией такие результаты всё же были. Определённая (пусть во многом и воображаемая) религиозная подоплёка придавала действиям российской дипломатии в этой стране большую целенаправленность, что объективно осложняло действия врагов Абиссинии – Италии и Англии, являвшихся также противниками России. Поддержка Петербурга помогла Абиссинии укрепить свои границы и остаться единственной страной «чёрной Африки», не захваченной в XIX – начале XX в. европейскими колонизаторами. Широкое распространение идеи «единоверия» и «религиозной близости» способствовало укреплению дружественных отношений двух стран. И это сыграло свою роль в обстоятельствах, которые вряд ли предвидели дореволюционные энтузиасты сближения с «чёрными единоверцами»: после Гражданской войны Абиссиния приняла немало беглецов из России и стала одним из очагов русской эмиграции⁵⁸.

---

⁵⁸ Крылова Н.Л. «Хорошо иметь любимую женщину и преданного кота»: Павел Булыгин в Абиссинии // Восточный архив. 2008. № 17. С. 71–76.

Латинская Америка в восприятии русских путешественников XIX – начала XX в.

Кристина Буйнова

Latin America in the eyes of Russian travellers the late nineteenth and early twentieth centuries

*Kristina Buynova (Moscow State Institute of International relations
of the Ministry of Foreign Affairs, Russia)*

Путешествие – «самое высшее, самое воспитательное и самое благородное из наслаждений XIX века»¹, довольно быстро превратилось для россиян из самоцели в уникальный личный опыт и этап становления самосознания. «Искомый результат путешествия, – утверждал И.А. Гончаров во “Фрегате «Паллада»», – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют её!». Возможно,